

СЛЕПОЕ ПЯТНО

A dark, minimalist office interior. In the foreground, a light-colored desk holds a closed laptop. To the left, a desk lamp is lit, casting a warm glow. In the background, two black office chairs are visible, and a framed abstract painting hangs on the wall. To the right, a dark door is partially open, and a black coat rack stands nearby with a dark jacket hanging on it. The overall atmosphere is moody and professional.

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Слепое пятно

<https://litres.ru/74182523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Страница 42 не содержит ошибки. Все координаты совпадают, файл проходит проверку, но каждый взгляд меняет изображение. В закрытой переговорной издательства нейроофтальмолог, художник, редактор и верстальщик пытаются понять, где заканчивается оптический эффект и начинается нечто иное. Чем точнее они описывают увиденное, тем устойчивее оно становится. Иногда человеческий мозг заполняет пробелы. Иногда лучше не знать, чем именно. Но некоторые пробелы существуют до тех пор, пока на них не посмотрят.

Содержание

ГЛАВА 1. МЁРТВАЯ ЗОНА	4
ГЛАВА 2. КОНТРОЛЬНАЯ ТОЧКА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Денис Пожидаев

Слепое пятно

ГЛАВА 1. МЁРТВАЯ ЗОНА

В правом верхнем углу экрана горело 17:15. Антон Левин посмотрел на цифры в третий раз за последние полминуты и снова перевёл взгляд на панель Preflight. Зелёный круг сообщал, что документ исправен: ни ошибок, ни предупреждений.

Он запустил проверку ещё раз. Ноутбук коротко зашумел, перебирая сто двадцать восемь страниц макета: шрифты, ссылки, разрешение изображений, вылеты под обрез, цветовые профили. Зелёная полоса дошла до конца и остановилась.

Ошибок: 0.

Страница 42 по-прежнему была неправильной.

Антон откинулся в кресле, но не позволил спине коснуться обивки. Со своего места Леон видел экран через весь стол, и любое движение, похожее на усталость или растерянность, сейчас могло выглядеть признанием вины.

Это был первый проект, который Антону доверили вести почти самостоятельно. Не рекламный буклет, не допечатку каталога и не переиздание с готовыми исходниками, а полно-

ценный графический роман: сложная сетка, тяжёлые изображения, нестандартные развороты, отдельный профиль печати под глубокий чёрный. Через сорок пять минут типография закрывала приём файлов. Если пакет не уходил до шести, издательство теряло зарезервированное окно. Леон уже дважды объяснял, сколько стоит сутки простоя ротационной машины: первый раз спокойно, второй — по цифрам. Третьего Антон не хотел.

Переговорная занимала угол двадцать четвёртого этажа. Панорамные окна выходили на запад, и низкое осеннее солнце било прямо в металлические жалюзи. Свет проходил между ламелями длинными ровными полосами и делил стол на чередующиеся участки белого и серого.

В одной из световых полос лежала раскрытая чёрная папка с контрольными распечатками формата А3. Сверху находилась страница 42.

Изображённая на ней станция метро была построена из бетона, теней и густой ручной штриховки. Колонны уходили в глубину, лестница спускалась к платформе, над путями висели прямоугольники холодного света. По отдельности каждый элемент выглядел правильно, но вместе они отказывались образовывать единое пространство. Пока Антон не смотрел на лестницу прямо, она вела вниз. При фиксации взгляда дальний марш едва заметно выворачивался наружу, словно поднимался к зрителю с обратной стороны листа.

Антон проверил координаты. X: 112,6 миллиметра. Y:

74,3. Ширина и высота не менялись. Он выделил слой с фоном, затем колонны, затем текстовый блок. Объекты оставались там, где им полагалось: ни случайного смещения, ни сбитой привязки, ни трансформации. Но стоило снять выделение, и левая колонна снова оказывалась ближе к краю, чем секунду назад.

— Антон.

Голос Леона прозвучал без раздражения. Пока без раздражения.

Антон поднял голову. Леон стоял у противоположного конца стола, упираясь ладонями в столешницу. Пиджак он снял и повесил на спинку кресла, рукава белой рубашки закатал до локтей. Часы плотно охватывали запястье. Леон не выглядел человеком, который торопится. Он выглядел человеком, для которого торопиться должны остальные.

— Сколько?

— Сорок пять минут.

— Я не про время.

Антон вернулся к экрану.

— Технически файл чистый.

— А практически?

— Практически я не могу подтвердить страницу сорок два.

Леон посмотрел на распечатку, не наклоняясь к ней. Справа от него сидела доктор Кира Воронцова — нейроофтальмолог из частной клиники, с которой издательство рабо-

тало по корпоративной страховке. Леон пригласил её после закрытого просмотра: трое из двенадцати участников фокус-группы пожаловались на головную боль, двоих укачало, одна женщина вышла из комнаты и отказалась возвращаться.

Кира просматривала медицинские анкеты участников, делая пометки тонким механическим карандашом. На ней была тёмная блузка без украшений и очки в узкой металлической оправе. Единственным признаком нетерпения оставался большой палец: он медленно стирал край ластика, хотя Кира ни разу им не воспользовалась.

У двери сидел Марк. Художник не снимал куртку. Худой, небритый, с сероватой кожей человека, который несколько недель спал короткими провалами, он держал руки на коленях и смотрел не на людей, не на окна и даже не на собственные рисунки, а на пустой участок стола между папкой и чашкой Леона. Жёлтые линзы его очков приглушали белизну комнаты.

Антон заметил это ещё в начале встречи: Марк ни разу не перевёл взгляд к краям помещения.

— Что значит «не можешь подтвердить»? — спросил Леон.

— Значит, я не понимаю, что отправляю в печать.

— Формат верный?

— Да.

— Профиль?

— ISO Coated v2. Чёрный разделён правильно.

— Шрифты внедрены?

— Да.

— Вылеты?

— По пять миллиметров.

— Разрешение?

— Выше трёхсот точек.

— Тогда что именно сломано?

Антон раскрыл панель Transform и развернул ноутбук к Леону.

— Ничего.

Леон посмотрел на цифры.

— Это хороший ответ.

— Нет. Был бы хороший, если бы страница выглядела одинаково два раза подряд.

Между лопатками у Антона выступил пот. Леон перевёл взгляд с экрана на него.

— Объясни нормально.

Антон увеличил макет до ста процентов и указал на левую колонну.

— Сейчас расстояние от края кадра до основания — двадцать восемь миллиметров. Я закрываю документ.

Сохранять изменений не требовалось. Он закрыл вкладку, снова открыл файл из рабочей папки и перешёл на страницу 42.

— Координаты те же.

— И?

— Визуально колонна ближе.

Леон сравнил экран с распечаткой.

— На сколько?

— Не знаю.

— Измерь.

— Я измерил. Она не сдвинулась.

В комнате стало слышно, как работает вентиляция. Ровный поток воздуха проходил через решётку над окном и едва шевелил край листа в папке.

— Значит, усталость, — сказал Леон. — Ты третий день сидишь над выпуском.

— Я сделал контрольный экспорт на другом компьютере.

— Результат?

— Тот же.

— Открыл PDF не в Acrobat?

— В трёх программах.

— Контрольная сумма?

— Совпадает.

Кира подняла голову от анкет.

— Вы говорите, цифровой файл не меняется, но вам кажется, что меняется изображение?

— Не кажется.

Ответ прозвучал резче, чем Антон хотел, но Кира не обиделась.

— Хорошо. Что именно вы видите?

Антон посмотрел на экран. Вопрос оказался сложнее, чем должен был.

— Перспектива не складывается.

— Это оценка. Опишите наблюдение.

Он увеличил страницу ещё на двадцать процентов.

— Колонны стоят в одной системе координат. Лестница — в другой. Но если я смотрю на лестницу, колонны начинают ей соответствовать. А когда перевожу взгляд на колонны, лестница...

Антон замолчал.

— Что делает лестница? — спросила Кира.

— Исправляется.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что они исправляются не одновременно.

Леон сдержанно выдохнул и повернулся к художнику.

— Марк, ты намеренно построил разные точки схода?

Марк не поднял головы.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы глаз не мог выбрать безопасную.

— Безопасную точку схода?

— Безопасную интерпретацию.

Леон выдержал паузу.

— Мы сейчас не обсуждаем авторский замысел. Мы обсуждаем технический брак.

— Это не брак.

— Фокус-группа сочла иначе.

— Фокус-группа отреагировала правильно.

Карандаш Киры перестал двигаться.

— Вы ожидали такую реакцию?

Марк чуть повернул голову. Жёлтые линзы отразили полосу солнца, но взгляд остался направлен на стол.

— Я ожидал дискомфорт.

— Тошнота и мигренозная аура — больше чем дискомфорт.

— Не у всех.

— Этого достаточно, — сказал Леон. — Антон, снеси фон. Оставь персонажей и текст. Станцию заменим чёрной плашкой. В электронной версии вернём после консультации.

Антон положил пальцы на клавиатуру. На экране страница выглядела почти нормальной: колонны выстраивались в перспективу, лестница уходила вниз, световые панели висели параллельно платформе.

Он кликнул по слою. Бирюзовая рамка выделения появилась не вокруг станции, а чуть выше.

Антон моргнул, и рамка встала на место.

— Видели?

Леон нахмурился.

— Что?

— Граница слоя.

— Обычная задержка интерфейса.

— Она была смещена.

— На сколько?

Антон не ответил.

Кира встала и обошла стол. Остановилась рядом, достаточно близко, чтобы видеть экран, но не заслонять свет.

— Можно?

Антон уступил ей кресло. Кира несколько секунд рассматривала страницу.

— Штриховка высокой контрастности, повторяющийся узор, близкие пространственные частоты и конфликтующие признаки глубины. Такое изображение действительно может вызывать зрительный стресс.

— Оно может двигать границу слоя? — спросил Антон.

— Нет. Но может создавать ощущение смещения границы относительно изображения.

Она наклонилась ближе.

— У вас бывают мигрени?

— Нет.

— Светобоязнь?

— Только после ночной работы.

— Двоение?

— Нет.

— Когда вы последний раз спали больше шести часов?

Антон посмотрел на Леона.

— Это имеет отношение к файлу?

— К файлу — нет. К тому, как вы его воспринимаете, — прямое.

Кира села на край соседнего кресла.

— Посмотрите в центр экрана и не следите за отдельными линиями.

Антон сделал, как она сказала. Сначала ничего не произошло, потом лестница стала глубже. Не изменилась — именно стала глубже, будто расстояние между верхней ступенью и платформой перестало уместаться в толщине экрана.

Он отвёл взгляд на панель инструментов, и ощущение исчезло.

— Есть? — спросила Кира.

— Да.

— Что?

— Глубина.

— Иллюзия глубины?

Антон снова посмотрел на макет.

— Нет. Лишняя глубина.

Кира взяла распечатку за белый край и повернула её так, чтобы солнечная полоса не пересекала рисунок.

— На бумаге то же самое?

Страница была матовой, неподвижной, немного выгнутой у корешка папки. Никакого монитора, никакой задержки интерфейса, никаких видеодрайверов. Лестница уходила вниз, и у её основания было на одну ступень больше, чем на экране.

Антон быстро посмотрел обратно. На экране ступеней оказалось столько же.

— Подождите.

Он приблизил изображение.

— Что? — спросил Леон.

— Сейчас было семь.

— Чего семь?

— Ступеней после поворота.

Антон сосчитал. Одна, две, три, четыре, пять, шесть.

— Здесь шесть.

Леон подошёл ближе.

— На распечатке тоже шесть.

Антон пересчитал. Шесть.

Остальные уже смотрели не на страницу, а на него.

— Я видел семь.

— На секунду, — сказала Кира. — Периферическое зрение плохо считает повторяющиеся элементы. Мозг мог продублировать контрастную границу.

— Я смотрел прямо.

— Тем более. На сетчатке есть зона, в которой изображение вообще не регистрируется.

Антон сухо усмехнулся.

— Вы хотите сказать, что я не вижу одну из ступеней?

— Я хочу сказать, что вы всегда не видите часть пространства. Как и любой человек.

Кира положила распечатку на стол и достала чистый лист.

— В месте, где зрительный нерв выходит из глаза, нет светочувствительных клеток. Это физиологическое слепое пятно.

но. Обычно вы его не замечаете: второй глаз компенсирует выпадение, а мозг заполняет недостающий участок окружающим фоном.

Леон посмотрел на часы.

— Нам обязательно проводить эксперимент сейчас?

— Если вы хотите понять, можно ли отправлять страницу в печать, да.

— У нас сорок минут.

— Тогда это займёт две.

Кира поставила карандашом маленький крест, а в двенадцати сантиметрах справа нарисовала чёрную точку.

— Закройте левый глаз. Правым смотрите только на крест. Не переводите взгляд на точку.

Антон подчинился. Кира медленно приблизила лист к его лицу, и чёрная точка исчезла. Не побледнела, не растворилась постепенно — просто перестала существовать. На её месте осталась белая бумага, хотя Антон знал, что точка никуда не делась.

Кира отодвинула лист. Точка вернулась.

— Нормальная работа зрительной системы. Мозг заполнил пробел белым фоном. Теперь то же самое с макетом.

Марк поднял голову. Это было первое быстрое движение, которое он совершил за всю встречу.

— Не надо.

Кира повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что ваш тест ничего не докажет.

— Тогда вам нечего опасаться.

— Я не опасаюсь результата.

— А чего?

Марк снова опустил взгляд.

— Интерпретации.

Леон положил ладонь на стол.

— Проводите.

Кира придвинула распечатку к Антону. В белом поле справа от изображения стоял небольшой регистрационный крест, оставленный для печатного контроля. Антон видел его сотни раз и ни разу не воспринимал как часть композиции.

— Закройте левый глаз. Правым смотрите на крест. Не переводите взгляд на рисунок, только отмечайте, что происходит сбоку.

Кира медленно двигала страницу. Сначала исчез край одной колонны. Мозг продолжил бетонную текстуру, и на месте колонны появилась гладкая стена. Потом пропал фрагмент лестницы.

Антон ожидал, что ступени сольются в серую штриховку. Вместо этого между двумя колоннами открылся проход.

Узкий коридор уходил в глубину, хотя его не было ни на распечатке, ни в исходном рисунке. Стены продолжали линии станции, но перспектива вела не к точке схода, а куда-то в сторону, за плоскость листа. В конце не было света — толь-

ко более плотный участок темноты.

Антон перестал дышать.

Кира продолжала приближать страницу, и коридор становился длиннее. Он не появлялся поверх рисунка, а возникал именно там, где Антон ничего не мог видеть.

— Стойте.

Кира остановилась.

— Что вы наблюдаете?

Антон не ответил. Он знал, что нельзя переводить взгляд. Стоило посмотреть прямо, и коридор должен был исчезнуть, вернув на место колонну и лестничный пролёт. Но в глубине что-то изменилось.

Не движение.

Скорее его отсутствие там, где только что что-то двигалось.

— Антон?

Он открыл левый глаз. Коридор исчез. На странице снова находилась станция: шесть ступеней, три колонны, бетонный свод.

Антон наклонился к распечатке. Белое поле, чёрная штриховка, никакого прохода.

— Что вы увидели? — спросила Кира.

Антон посмотрел на Марка. Тот сидел неподвижно, но теперь его пальцы крепко держались за край кресла.

— Этот коридор здесь был?

Марк медленно поднял голову. За жёлтыми линзами его

глаза оставались направлены не на Антона, а куда-то чуть ниже его подбородка.

— Не отводи взгляд резко.

ГЛАВА 2. КОНТРОЛЬНАЯ ТОЧКА

Антон уже отвёл взгляд.

Он сидел, прижав ладони к краю стола, и смотрел на распечатку обоими глазами. Коридора не было. Между колоннами снова находился бетонный простенок, перечёркнутый короткими диагональными штрихами.

Кира повернулась к Марку.

— Что должно было произойти?

— Я сказал только, чего не следует делать.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Леон посмотрел на часы. Было 17:23.

— Восемь минут, — сказал он. — Потом либо я получаю конкретное заключение, либо страница уходит под замену.

Кира не возразила. Она взяла распечатку за белые поля, развернула к себе и несколько секунд рассматривала станцию без всякого теста, последовательно переводя взгляд с колонн на лестницу и со световых панелей на платформу.

Изображение было неприятным, но пока не более того. Художник действительно построил несколько несовместимых перспективных систем. При прямом взгляде мозг выбирал одну и подавлял остальные; при переводе глаз конфигурация менялась, создавая ощущение внутреннего движения. Известный приём, доведённый до агрессивной точности.

Мигрень была возможна, тошнота — тоже, а паническая реакция после внушения выглядела ещё вероятнее. Даже коридор, которого не существовало на листе, не выходил за пределы физиологии. Когда часть сложного изображения попадала на диск зрительного нерва, кора достраивала её по соседним линиям. В таком паттерне результат мог оказаться неожиданным, но неожиданное ещё не означало сверхъестественного.

Кира положила страницу на свободную половину стола.

— Антон, мы повторим тест. На этот раз вы не будете ничего оценивать. Сообщайте только то, что непосредственно видите. Без «похоже», «кажется» и «как будто». Не называйте предмет, пока я не попрошу.

Антон кивнул.

— Сядьте ровно. Подбородок не двигайте.

Кира придвинула его кресло на несколько сантиметров и измерила расстояние от лица до листа лежавшей рядом линейкой. Получилось сорок четыре сантиметра. Регистрационный крест располагался справа от изображения; при закрытом левом глазе нужный фрагмент лестницы должен был попасть в слепое пятно правого.

— Закройте левый глаз. Смотрите только на крест.

Антон подчинился.

— Что видите на периферии?

— Колонны, лестницу, белое поле.

— Я двигаю лист к вам. Голову не поворачивайте.

Кира медленно сокращала расстояние.

— Сейчас?

— Край колонны пропал.

— Что появилось на его месте?

— Серое.

— Однородное?

— Нет. Полосы продолжают.

Она придвинула лист ещё на два сантиметра.

— Теперь?

Антон ответил не сразу.

— Пропала часть лестницы.

— На её месте?

— Линии.

— Какие?

— Вертикальные.

Кира остановила страницу.

— Они продолжают колонну?

— Сначала да.

— А теперь?

Антон сглотнул.

— Нет.

— Не интерпретируйте. Только направление.

— Они уходят назад.

Кира отметила расстояние карандашом на чистом листе рядом с макетом.

Тридцать восемь сантиметров.

— Откройте оба глаза.

Антон открыл.

— Исчезло?

— Да.

— Что именно?

Он посмотрел на неё.

— Вы сказали не называть.

— Теперь можно.

— Коридор.

Марк сидел в прежнем положении, но указательный палец его правой руки медленно двигался вдоль шва брюк, словно отсчитывал секунды. Кира заметила это и пока ничего не сказала.

Она повернула распечатку на сто восемьдесят градусов.

— Ещё раз.

— Зачем?

— Если эффект связан с конкретной геометрией, он должен измениться вместе с ориентацией изображения. Если дело в ожидании, вы, вероятно, снова увидите коридор на прежнем месте.

Антон закрыл левый глаз. Кира восстановила расстояние и начала приближать лист.

— Что исчезло?

— Световая панель.

— Чем заполнилось?

— Потолком.

— Дальше?

— Чёрная линия.

— Ещё.

— Ничего.

— Прохода нет?

— Нет.

Кира вернула страницу в исходное положение.

— Теперь закройте правый глаз и смотрите левым.

На левом поле регистрационного маркера не было. Кира поставила карандашом небольшой крест на нужном расстоянии от изображения.

— Это не исказит результат? — спросил Леон.

— Нет. Нам нужна только точка фиксации.

— Вы рисуете на контрольной распечатке.

— У вас есть ещё две.

Леон посмотрел на папку, но спорить не стал.

Антон закрыл правый глаз. На этот раз выпадение возникло с другой стороны изображения: исчез фрагмент платформы, и мозг заполнил его продолжением плитки. Никакого коридора не появилось.

Кира повторила тест трижды. Правый глаз давал проход, левый — ровную платформу. Она изменила расстояние: на тридцати пяти сантиметрах коридор исчезал, на сорока одном не возникал вовсе. Только в узком диапазоне от тридцати семи до тридцати девяти сантиметров линии в слепом пятне складывались в структуру, отсутствовавшую на бума-

ге.

Необычно, но пока объяснимо.

— Для правого глаза в слепое пятно попадает другой узел линий. Именно эта конфигурация даёт коре материал для ложного продолжения перспективы; левый глаз получает более однородный участок. В определённом положении соседние контуры дают достаточно информации, чтобы кора построила ложное продолжение перспективы.

— Насколько ложное? — спросил Антон.

— Любое изображение в слепом пятне ложное. Там нет данных.

— Я понимаю.

— Судя по выражению лица, не вполне.

Антон отвернулся от листа.

— Я увидел не просто линии. Там было расстояние.

— Восприятие глубины тоже конструируется.

— И темнота в конце?

— Контрастное заполнение.

— Она была дальше, чем могла быть страница.

— Так работают иллюзии глубины.

Марк тихо произнёс:

— Спросите, куда вёл коридор.

Кира посмотрела на него.

— Никуда. Это визуальная конструкция.

— Тогда вопрос безопасен.

— Не вмешивайтесь.

— Вы уже вмешались.

Леон постучал пальцем по циферблату.

— У нас осталось тридцать четыре минуты.

— Мне нужен второй наблюдатель, — сказала Кира.

— Я не буду смотреть, — ответил Леон слишком быстро.

Он понял это сам и добавил:

— Мне нельзя получить зрительный приступ перед запуском тиража.

— Тест не повреждает зрение.

— Фокус-группа с вами не согласилась бы.

Кира перевела взгляд на Марка.

— Тогда вы.

— Нет.

— Почему?

— Я знаю результат.

— Тем более.

— Тогда наблюдение будет недостоверным.

— Потому что вы заранее знаете, что должны увидеть?

Марк промолчал.

Кира закрыла папку с анкетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.